

Д. И. Луковская, Н. В. Разуваев

УЧЕНИЕ ДОСОКРАТИКОВ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗАКОНЕ

В статье рассматривается учение досократиков о справедливости и законе. По мнению авторов, досократикам принадлежит заслуга создания первого в истории западной философской и юридической мысли целостного учения о справедливости и законе как базовых политико-правовых категориях. При этом учение досократиков, будучи генетически связанным с мифологическими образами, радикально переосмысливает соответствующие образы, наполняя их рациональным содержанием, что позволяет говорить о категоризации мифологем справедливости и закона древнегреческой философской мыслью. В работе также прослеживается эволюция учения о справедливости и законе в течение VI–V вв. до н. э. и делается вывод о том, что именно досократиками были заложены основы концепции естественного права, оказавшей значительное влияние на дальнейшее развитие политико-правовой мысли. Библиогр. 41 назв.

Ключевые слова: справедливость, закон, досократики, категоризация, естественное право, политико-правовая мысль.

D. Lukovskaya, N. Razuvaev

THE PRE-SOCRATICS' DOCTRINE OF JUSTICE AND LAW

This article examines the pre-Socratics' doctrine of the justice and the law. In authors' opinion, the merit of creation of the first integral study about the justice and the law as the basic political and legal categories in the history of western philosophical and juridical thought belongs to pre-Socratics. In this case the doctrine of pre-Socratics, being genetically connected with the mythological imageries, radically reconsiders the corresponding imagery, filling it with rational content, which makes it possible to speak about the categorization of mythologemes of justice and law in Ancient Greek philosophical thought. In the work the evolution of the study of the validity and the law during 6th–5th centuries B.C. is outlined and a conclusion is reached that precisely the pre-Socratics laid the foundations for the concepts of natural law, which had a significant effect on further development of political and legal thought. Refs 41.

Keywords: justice, law, the pre-Socratics, categorization, natural right, the political- lawful thought.

Древнегреческая философская мысль на раннем этапе своего развития характеризовалась синкретизмом, глубоким внутренним единством философской, научной и художественно-мифологической составляющих, обусловившим повышенный интерес, проявляемый ею к различным аспектам бытия. Уже первые античные философы активно обсуждали в своих трудах вопросы, относящиеся к предметам как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного познания. Причем достигнутые ими результаты сохранили свое значение и в дальнейшем, заложив фундамент для исследований эпохи Нового времени. Некоторые из высказанных

Луковская Дженевра Игоревна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; lukovskaia@yandex.ru

Разуваев Николай Викторович — кандидат юридических наук, доцент, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43; nrasuvaev@yandex.ru

Lukovskaya Jenevra I. — Doctor of Law Sciences, Professor, Head Department of theory and history of the state and law, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; lukovskaia@yandex.ru

Razuvaev Nikolay V. — Candidate of Law Sciences, Professor, North-Vest Institute of Management, Russian Academy under President of Russian Federation; 57/43, Sredniy, St. Petersburg, 199178, Russian Federation; nrasuvaev@yandex.ru

в данную эпоху идей (в особенности это касается идей политико-правовых) актуальны и в наши дни, что придает их изучению не только собственно познавательную ценность, но и неоспоримое методологическое значение. Свидетельством тому, в частности, является повышенное внимание, уделяемое философии досократиков в работах такого влиятельного теоретика науки, как К. Поппер [1].

Естественно, что в контексте выявления общих закономерностей эволюции и роста научного знания исследователями рассматривались в первую очередь философские и политико-правовые учения корифеев классической мысли — Платона и Аристотеля [2]. Могло бы даже показаться, что тень, отбрасываемая ими в сознании как современников, так и потомков, делает досократиков практически незамеченными (за исключением нескольких наиболее известных имен). И как правило, когда речь заходит о последних, в них видят по преимуществу основоположников естествознания, почти полностью игнорируя вклад, внесенный ими в изучение иных явлений, в том числе политико-правовых.

Между тем античное полисное государство и право стали предметом напряженного размышления уже во времена досократиков, пытавшихся осмыслить соответствующие феномены, определив их место в мироздании. Основываясь на универсальной для всего Древнего мира идее единства Вселенной и общества, права и государства [3; 4, с. 141–143], греческая философская мысль стремилась установить сущностную связь между естественными законами природы (φύσις) и рукотворными человеческими законами (νόμοι)¹. В творчестве досократиков мы впервые видим попытку дедуктивно вывести все многообразие эмпирических явлений, существующих в политико-правовой сфере, из системы базовых категорий, выделив среди этих категорий одну важнейшую и подвергнув ее содержанию тщательному исследованию. Как известно, еще мифологией в качестве такой базовой категории рассматривалась справедливость (δίκη), считавшаяся источником действующих в человеческом обществе законов и основой государственной власти. Поэтому именно понятие справедливости находилось в центре политико-правовых концепций, разрабатывавшихся античными философами, начиная с досократиков.

В понимании справедливости уже досократики делают серьезный шаг вперед по сравнению с мифологической картиной мира. Вот почему нельзя согласиться с нередко высказываемым в специальной литературе мнением (разделяемым такими известными учеными, как К. Йоль, В. Нестле, Ф. Корнфорд, А. Ф. Лосев и др.), согласно которому идеи досократиков, в том числе их представления о справедливости, качественно ничем не отличаясь от мифопоэтических образов, имеют мистический и дорациональный характер [5; 6; 7, р. 4–5; 8, р. 208–210; 9–10]. Как показывают современные исследования, именно в произведениях досократиков (несмотря на очевидную преемственность развивавшегося ими философского дискурса с мифологией) были заложены основы античного рационализма классической и эллинистической эпох [11; 12].

Столь же неверно было бы видеть в досократиках лишь натурфилософов, чуждых антропологической и политико-правовой проблематике². Более того, в последние годы актуализировался именно этот, социально-антропологический, аспект

¹ О соотношении указанных понятий см.: [13; 14; 15].

² Убедительную критику данной точки зрения приводит, в частности, Г. И. Петрова на примере учения Фалеса Милетского о воде как первопричине (архэ) всего сущего [23].

раннегреческой философии [16; 17; 18]. Стремясь осмыслить законы, управляющие поведением человека в мире, досократики обратились к мифологическому образу справедливости, наполнив его новым содержанием, более адекватно соответствовавшим представлениям, присущим зарождавшейся античной рациональности. Иными словами, можно с известной долей уверенности утверждать, что в учениях досократиков происходит *категоризация* справедливости. Если в мифологии справедливость олицетворялась в образе богини Дике, дочери Зевса, следящей за природным и социальным порядком, а также карающей людей за их преступления (Orph. 63; Il. V. 749 sgg.; Hygin. Fab. 183; Hes. Erg. 256–262; Theog. 901–902; Eur. Bacch. 993–996), то у досократиков справедливость утрачивает личностные качества, трансформируясь в универсальную «меру», свойственную природным процессам и воплощающую в себе их естественный характер [17, с. 131; 19, с. 86].

Выступая необходимой характеристикой природного закона, справедливость в представлении досократиков являлась связующей нитью между ним и волеустановленными полисными законами, которые должны были соответствовать справедливости, а тем самым и естественному порядку вещей. Указанное обстоятельство неоднократно отмечалось исследователями; по их словам, «в духе этой изначально присущей порядку природы “справедливости” ранние греческие философы пытаются осмыслить порядок всего сущего» [2, с. 6].

Косвенным образом обращение к данной проблематике присутствует уже в учении Анаксимандра (610–546 гг. до н. э.), видевшего основу круговорота вещей во Вселенной именно в справедливости, являвшейся в силу этого, по мысли философа, необходимым атрибутом первичной субстанции — апейрона [20, с. 146–147; 21, с. 41; 22, с. 151]. Анаксимандр (DK 12 В 1) утверждает в своем неоднократно цитированном фрагменте: «Из чего рождается все сущее, в то же самое оно и исчезает по неизбежности. Ибо все вещи воздают друг другу справедливое возмездие за несправедливость согласно установленному порядку времени»³. Как видим, уже в данном отрывке получает свое развитие тенденция к деперсонализации категории справедливости, которая мыслится теперь как важнейшая характеристика процессов, имеющих место не только в обществе, но и в самой природе. По словам Ф. Х. Кессиди, справедливость у Анаксимандра фигурирует «в смысле космической нравственно-правовой нормы, причастность или непричастность к которой определяет “справедливость” или “несправедливость” чего бы то ни было» [20, с. 147].

Представляется, что именно этим впервые были созданы предпосылки для учения о естественном праве, активно разрабатывавшегося политико-правовой мыслью античности на протяжении всей ее истории. Поэтому-то и нельзя признать правоту исследователей, полагающих, что зачатки античного юснатурализма возникают лишь в учениях софистов и Демокрита [24, с. 230; 25, с. 498; 13, р. 110; 26, р. 16–21]. Действительно, в достаточно развитом и хорошо отрефлектированном виде естественно-правовые идеи появляются только в классическую эпоху, когда философская и политико-правовая мысль начинает отделять природу от общества. Однако древнегреческий юснатурализм имел длительную предысторию, в которой досократикам принадлежит исключительно важное место⁴.

³ Цит. по: [28, S. 89] (далее в тексте — DK).

⁴ В. В. Соколов даже утверждает, что с Анаксимандра начинается европейская философская литература [29, с. 77].

Отмеченная тенденция получает развитие и в учении Парменида (ок. 560–480 гг. до н. э.). Нетрудно заметить, что концепция Парменида, будучи столь же рационалистической, как и у милетских натурфилософов, характеризуется более тесной связью с системой мифологических образов, используемых, как полагают некоторые исследователи, с целью придания большей убедительности высказываемым идеям [27, с. 106]. Не случайно поэтому в отличие от философов милетской школы, писавших прозой, Парменид возвращается к поэтической форме, тем самым как бы продолжая мифологический эпос Гомера и в особенности Гесиода [30, с. 276; 31]. Вместе с тем, используя мифологические образы, Парменид заметно переосмысливает их, наполняя философским содержанием.

Сказанное относится и к образу Дике, описываемой Парменидом как «много-разящая Правда», держащая в своих руках двойные ключи от ворот, отделяющих день от ночи (DK 28 В 1. 11–14). Тем самым на первый взгляд акцентируются религиозно-мифологические аспекты Дике как божества, охраняющего мироустройство и беспощадно карающего любые отклонения от правильного порядка вещей. Однако такое восприятие оказывается глубоко парадоксальным в свете развиваемых элейским философом воззрений и даже в значительной степени противоречащим им (подобно тому, как согласно самому же Пармениду «путь мнения» противоречит «пути истины»). В самом деле, такие дихотомии, как порядок/беспорядок, правда/неправда, справедливость/несправедливость и т. п., предполагают придание равного онтологического статуса бытию, воплощенному в природных и социальных законах, и небытию, эти законы отрицающему. Между тем, как гласил знаменитый парменидовский тезис, «небытие невозможно» (В 2; 6), откуда, в свою очередь, следуют выводы о единстве бытия, мысли и слова (В 3; 8. 8), а также о логической невозможности возникновения, изменения и прекращения бытия (В 19).

Таким образом, бытие как вечный, неизменный, а потому и ненарушимый абсолют просто не нуждается в защите, ибо, поскольку небытия не существует, нет ничего такого, от чего бытию могла бы исходить угроза. Отсюда следует, что образ Дике, выступая у Парменида в качестве синонима этого бытия, приобретает новое значение, а именно значение *истины*. Одновременно с этим Парменид высказал мысль о том, что действующие в полисе правила поведения не просто являются одной из ипостасей универсальных естественных законов, но и имеют волеустановленный характер, а значит, нуждаются в некоем критерии оценки, в качестве которого и выступает справедливость, связывающая воедино естественное и человеческое волеустановленное право. Учитывая сказанное ранее, можно сделать вывод о том, что для Парменида законы, соответствующие справедливости, одновременно являются и истинными, поскольку истина и справедливость в онтологическом плане составляют одно целое.

Идеи Парменида и элеатов нашли отклик в творчестве Гераклита Эфесского (540–480 гг. до н. э.), по мнению которого бытие, будучи единым, является в силу этого неизменным и предшествует изменчивой множественности потока вещей. Правда, в отличие от элеатов, придававших этому предсуществованию онтологический характер, Гераклит рассматривает отношение между бытием и миром явлений как чисто логическую связь. Понимаемое таким образом бытие отождествляется с огнем, выступающим, по Гераклиту, первоосновой всего сущего и источником всех изменений, происходящих в материальном мире.

Огонь у Гераклита — не статичное первоначало всех вещей. Все течет (πάντα ρεῖ): в одну и ту же реку «мы входим и не входим, существуем и не существуем» (DK 22 В 49 а). Как пламя в горении, все вещи появляются из огня, в него же они и возвращаются. Источником всеобщего движения является *борьба* (война) противоположных сил — справедливого и несправедливого, добра и зла. Одним *борьба* «определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными» (В 53). В этом вечном круговороте взаимопревращения всех вещей абсолютно устойчив только сам процесс вечной пульсации огня — не просто телесно-вещественного, но живого, наделенного разумом первоначала вселенской и человеческой жизни.

В таком своем качестве огонь предстает как всем управляющий логос (от греч. λόγος — ‘слово’, ‘понятие’, ‘разум’, ‘закон’), воплощающий скрытую «разумную» гармонию мира, жизни человека как *единства* борющихся сил: добро и зло приходят к единству, как дрожащие струны лука и лиры; «расходящееся само с собой согласуется...» (В 51). «Не мне, — говорит Гераклит, — но логосу внимая, мудро признать, что все — едино» (В 50). На страже единства мира, соблюдения *меры* в борьбе и соперничестве различных начал стоят у Гераклита Зевс (тождественный логосу-огню) и его дочь Дике.

Во взглядах Гераклита на право и государство можно усмотреть известное дополнение к политико-правовым идеям Парменида и элеатов. Внимание Гераклита было приковано к вечным законам Вселенной, проявлением которых выступают полисные законы, стоящие в силу этого превыше воли отдельных людей или даже народа в целом. В этом смысле в политико-правовой мысли Гераклита нашли свое отражение те идейные тенденции, которые в целом были присущи философии досократиков. Подобно Пармениду, Гераклит активно обращается к образу божественной справедливости — Дике. По словам философа (В 94), «Солнце не преступит положенной меры, а не то Эриннии, союзницы Правды (Дике), разыщут его», не говоря уже о лжецах и лжесвидетелях (В 28). Какое бы то ни было «отпадение» от единого, своеволие («гибрис») надо, убежден Гераклит, «гасить скорее, чем пожар» (В 43). Отстаиваемое мыслителем вселенское единство явно отражает *полисное единство*, понимание полиса как единого целого.

При этом, однако, выясняется, что в своем исходном значении справедливость представляет собой отнюдь не абстрактный закон, а стихийно сложившийся естественный порядок вещей, отчасти напоминающий естественное состояние Томаса Гоббса. И точно так же, как естественное состояние у Гоббса представляет собой «войну всех против всех» [32], справедливость, по Гераклиту, также означает не столько согласие, сколько всеобщий раздор и борьбу противоположностей⁵. Следовательно, справедливость сама по себе не может надлежащим образом обеспечить порядок во Вселенной (и в государстве, являющемся неотъемлемой частью Вселенной).

Сказанное предполагает наличие более высокого начала, выступающего носителем порядка в мире текучих, непрестанно изменяющихся и противоборствующих явлений. И таким началом, по мысли Гераклита, служит логос-огонь, «мерами

⁵ В 80: «...εἰδέναι δὲ χρῆ τὸν πόλεμον ἕοντα ξυνόν, καὶ δίκην ἔριν, καὶ γινόμενα πάντα κατ’ ἔριν καὶ χρεῶν». — «Должно знать, что война является необходимостью, а вражда справедлива, и все вещи возникают через вражду, одна за счет другой [заимообразно]».

возгорающийся и мерами угасающий... Всех и вся, нагрянув внезапно, будет Огонь судить и схватит» (В 26). Таким образом, философ не столько отождествляет справедливость с мерой, сколько в онтологическом плане подчиняет ее данному принципу, воплощенному в логосе (огне) как субстанциональной первооснове всех вещей.

В итоге Гераклит переосмысливает категорию справедливости, освобождая ее от мифологических представлений, еще сохранявшихся в политико-правовой мысли его идейных предшественников. Справедливость предстает уже не в качестве божественного существа, стоящего на страже космических законов, но в качестве результата реализации этих законов в природе и в социальной жизни. Отсюда простекала и убежденность философа в наличии необходимой связи между полисными законами [33] и универсальной мерой, упорядочивающей Вселенную [34, р. 10]⁶. Не случайно воззрения Гераклита нашли отклик в трудах мыслителей эллинистической эпохи, прежде всего стоиков (включая Посидония). Как отмечает И. А. Исаев, «Гераклитова убежденность в том, что человеческие право и правопорядок должны подчиняться естественным космическим закономерностям, была воспринята здесь вместе с приоритетным значением одной из обоготворяемых им (Гераклитом. — Д. Л., Н. Р.) стихий — всепоглощающего и светоносного огня» [36, с. 11].

Имевшие место в учениях досократиков рационализация и демифологизация категорий права и справедливости нашли свое логическое завершение в учении пифагорейцев. Следует отметить, что для философской и политико-правовой мысли пифагорейцев была характерна та же связь с мифологическим мышлением, которая, так или иначе, проявила себя у всех ранних греческих философов. Едва ли, однако, есть основания, подобно некоторым авторам, преувеличивать значение этой связи [37, с. 126–128; 20; 38, р. 14; 39]. Ведь предпринятая пифагорейцами попытка выразить основные онтологические категории в виде чисел и числовых отношений не могла не повлечь за собой рационализацию указанных категорий и их освобождение от мифологической смысловой нагрузки. Это в полной мере относится и к трактовке политико-правовых явлений, прежде всего справедливости, которая отождествлялась пифагорейцами с числом 4, поскольку, «будучи первым квадратом, т. е. первым числом, умноженным на самого себя..., четверка выражает сущность справедливости, которая состоит в том, чтобы воздавать равным за равное» [40, с. XVI].

Таким образом, в концепцию справедливости как всеобщего космического закона пифагорейцы привносят новую идею, а именно идею *равенства*. Необходимо, однако, оговориться, что взаимосвязь равенства и справедливости воспринималась последователями Пифагора неоднозначно. По их мнению, простая «арифметическая» справедливость, основанная на равном доступе к благам, уместна в демократическом полисе с его жеребьевкой должностей и т. п. Но предпочтительнее *пропорционально-геометрическая справедливость*, предполагающая распределение благ не поровну, а по достоинству. Вот почему идеалом Пифагора и пифагорейцев являлась аристократия как власть немногих достойных мужей [41].

⁶ Поэтому трудно согласиться с Б. Ф. Чалаби, усмотревшим скептическое отношение Гераклита к полисному законодательству. Правда, автор при этом сам обращает внимание на необходимость, по Гераклиту, подчиняться законам полиса [35].

«Неразумно, — полагали они, — обращать внимание на всякое мнение всякого и в особенности на мнение толпы. Ибо немногим свойственно прекрасно полагать и думать. Ведь очевидно, что это свойственно (только) знающим. А их немного. Таким образом, очевидно, что эта способность не простирается на большинство (людей)» [40, с. 96]. Считая особенно безобразными и вредными беспорядок и асимметрию, пифагорейцы порицали безвластие и беззаконие. С учетом характерной для них идеи «числовой меры» порядка и беспорядка, законного и незаконного к ним применимо солоновское понимание полиса как порядка, основанного на законе.

Тем самым в учении Пифагора и его последователей представления о порядке и гармонии, выраженных в числах и числовых пропорциях, были распространены на действующие в человеческом обществе законы. Последние также стали рассматриваться пифагорейцами в качестве единой и равной для всех меры поведения людей. Подобно тому, как космический закон воплощал в себе числовые пропорции, закон человеческий, по мысли пифагорейцев, был связан с числами и счетом, т. е. являлся изобретением человеческого разума и порождением цивилизации (ДК 47 В 3). Эти идеи оказали заметное влияние на дальнейшее развитие древнегреческой политико-правовой мысли, постепенно отделявшей естественное право от волеустановленного и смещавшей центр внимания с универсального космического закона на право, действующее в человеческом обществе.

Источники и литература

1. *Поппер К. Р.* Назад к досократикам // Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2008. С. 234–280.
2. *Занин С. В.* Античный рационализм и естественный закон // История государства и права. 2013. № 11. С. 6–13.
3. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика. М., 2000.
4. *Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984.
5. *Сапарбаева Г. Л., Терехова Г. Л.* «Мистически-символически-мифологический мир» досократической философии в творчестве А. Ф. Лосева // Вестн. Томского гос. ун-та. 2015. № 390. С. 60–65.
6. *Cornford F. M.* From Religion to Philosophy. New York, 1957.
7. *Joel K.* Der Ursprung der Naturphilosophie aus dem Geiste der Mystik. Jena, 1926.
8. *Joel K.* Geschichte der Antiken Philosophie. Tübingen, 1961.
9. *Nestle W.* Vom Mythos zum Logos. Stuttgart, 1940.
10. *Nestle W.* Griechische Studien. Untersuchungen zur Religion Dichtung und Philosophie der Griechen. Stuttgart, 1948.
11. *Вольф М. Н., Горан В. П.* От рационализма раннегреческой философии к стоическому рационализму // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 34–41.
12. *Петряков С. Г.* Генезис научной космологии в философии Анаксимандра // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 149–155.
13. *Heinimann F.* Nomos und Physis. Basel, 1945.
14. Physis and Nomos: Power, Justice and the Agonistical Ideal of Life in High Classicism. Proceedings of the Symposium Philosophiae Antiquae Quartum Atheniense, July 4–12th, 2004 / ed. by A. Pierris. Patras, 2007.
15. *Pohlentz M.* Nomos und Physis // Hermes. 1953. Bd. 81. S. 418–438.
16. *Гудошникова О. Ю.* Древневосточная префилософия и античная философия о человеке-микрокосме // Вестн. Пермского нац. исслед. политехн. ун-та. Культура, философия, право. 2013. № 7 (44). С. 73–81.
17. *Драч Г. В.* Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М., 2003.
18. *Сергеев В. К.* Истоки гуманизма в ранней древнегреческой философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2–3 (41). С. 170–173.

19. Нерсесянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983.
20. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2003.
21. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. 2-е изд., испр. Новосибирск, 1997.
22. Чаньшиев А. Н. История философии Древнего мира. 2-е изд. М., 2011.
23. Петрова Г. И. Были ли досократики натурфилософами? («вода» Фалеса как «трансцендентальная» проблема) // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политика. 2008. № 1. С. 29–33.
24. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1985.
25. Нерсесянц В. С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
26. Rode K. Geschichte der europäischen Rechtsphilosophie. Düsseldorf, 1974.
27. Лебедев А. В. Западнореческие философские поэмы и гомеровская традиция: преемственность или разрыв? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. Т. XIV, № 2. С. 359–368.
28. Die Fragmente der Vorsokratiker griechisch und deutsch / Hrsg. v. H. Diels, W. Kranz. Bd. I–III. Berlin, 1903.
29. Соколов В. В. Философия как история философии: учебник для вузов. М., 2010.
30. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. II. Первые философы. М., 1956.
31. Schwalb H. Hesiod und Parmenides // Rheinische Museum für Philologie. 1963. Bd. 77, Hft. 3. S. 134–142.
32. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 4–545.
33. Кессиди Ф. Х. Диалектика и материализм в философии Гераклита Эфесского // Вопросы философии. 1953. № 5. С. 130–141.
34. Cassirer E. Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung. Göteborg, 1941.
35. Чалаби Б. Ф. Справедливость и законы в мифопоэтической мысли и философских воззрениях народов Древнего мира (Египет, Вавилония, Греция): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
36. Исаев И. А. О противоречиях у стоиков: «неживое право» и фикция // История государства и права. 2013. № 15. С. 6–11.
37. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. Т. I. М., 1915.
38. Brunschweig L. La role du pythagoreisme dans l'évolution des idées. Paris, 1967.
39. Rocher W. H. Die Sieben- und Neunzahl im Kultus und Mythos der Griechen. Leipzig, 1904.
40. Маковельский А. О. Досократики. Ч. 3. Казань, 1919.
41. Львов А. В. Образ идеального гражданина в учении Пифагора // Вестн. МГПУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 2 (10). С. 25–37.

References

1. Popper K. Nazad k dosokratikam [Back to Pre-Sokratiks]. Popper K. R. *Predpolozheniia i oproverzheniia: Rost nauchnogo znaniia [Conjectures and redutation: the growth of scientific knowledge]*. Moskow, 2008. P. 234–280 (In Russian).
2. Zanin S. V. Antichnyi ratsionalizm i estestvennyi zakon [The Antic rationalism and the natural law]. *Istoriia gosudarstva i prava [History of state and law]*, 2013, no. 11, pp. 6–11 (In Russian).
3. Losev A. F. *Istoriia antichnoi estetiki. Ranniaia klassika [History of antique aesthetics. Early classics]*. Moskow, 2003 (In Russian).
4. Frankfort G., Frankfort G. A., Uilson G., Jakobsen T. *V preddverii filosofii. Duhovnie iskaniya drevnego cheloveka [On the threshold of the philosophy. Spiritual searching of the ancient person]*. Moskow, 1984 (In Russian).
5. Saparbaeva G. L., Terehova G. L. «Misticheski-simvolicheski-mifologicheskii mir» dosokraticheskoi filosofii v tvorchestve A. F. Loseva [The «mystical-symbolic-mythological world» of the pre-Socratics' philosophy in the creation by A. F. Losev]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta [Herald of Tomsk state university]*. 2015, no. 390, pp. 60–65 (In Russian).
6. Cornford F. M. *From Religion to Philosophy*. New York, 1957.
7. Joel K. *Der Ursprung der Naturphilosophie aus dem Geiste der Mystik [The origin of the philosophy as the spirit of mystic]*. Jena, 1926 (in German).

8. Joel K. *Geschichte der Antiken Philosophie [The history of the Ancient philosophy]*. Tübingen, 1961 (in German).
9. Nestle W. *Vom Mythos zum Logos [From Myth to Logos]*. Stuttgart, 1940 (in German).
10. Nestle W. *Griechische Studien. Untersuchungen zur Religion Dichtung und Philosophie der Griechen [The Greek studies. Researches of religion, poetry and philosophy of the Greeks]*. Stuttgart, 1948 (in German).
11. Wolf M. N., Goran W. P. Ot ratsionalizma rannegrecheskoi filosofii k stoicheskomu ratsionalizmu [From the rationalism of early greek philosophy to the stoic rationalism]. *Voprosi filosofii [The questions of the philosophy]*. 2013, no. 8, pp. 34–41 (In Russian).
12. Petryakov S. G. Genezis nauchnoi kosmologii v filosofii Anaksimandra [The genesis of scientific cosmology in philosophy of Anaximander]. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Herald of Nizhny-Novgorod university by name of N. I. Lobachevsky. Series: Social sciences]*. 2013, no 4 (32), pp. 149–155 (In Russian).
13. Heinimann F. *Nomos und Physis [Nomos and Physis]*. Basel, 1945.
14. *Physis and Nomos: Power, Justice and the Agonistical Ideal of Life in High Classicism. Proceedings of the Symposium Philosophiae Antiquae Quartum Atheniense, July 4–12th, 2004*. Ed. by A. Pierris. Patras, 2007.
15. Pohlenz M. *Nomos und Physis [Nomos and Physis]*. *Hermes*. 1953. Bd. 81. S. 418–438.
16. Gudoshnikova O. Ju. Drevnevostochnaia predfilosofia i antichnaia filosofia o cheloveke-mikrokosme [The Ancient East proto-philosophy and the antic philosophy about the man-microcosm]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, filosofii, pravo [Herald of Permian national research polytechnic university. Culture, philosophy, right]*. 2013, no. 7 (44), pp. 73–81 (In Russian).
17. Drach G. V. *Rozhdenie antichnoi filosofii i nachalo antropologicheskoi problematiki [The birth of the antic philosophy and the beginning of anthropological problems]*. Moscow, 2003 (In Russian).
18. Sergeev V. K. Istoki gumanizma v rannei drevnegrecheskoi filosofii [Sources of humanism in the early Ancient Greek philosophy]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and juridical sciences, culturology and art study. Questions of theory and practice]*. 2014, no. 2–3 (41), pp. 170–173 (In Russian).
19. Nersesyanz V. S. *Pravo i zakon. Iz istorii pravovykh uchenii [Right and law. From the history of the lawful studies]*. Moscow, 1983 (In Russian).
20. Kessidi F. H. *Ot mifa k logosu. Stanovlenie grecheskoi filosofii [From the myth to Logos. Formation of the Greek philosophy]*. 2nd ed. Moscow, 2003 (In Russian).
21. Rassel B. *Istoriia zapadnoi filosofii i ee svyazi s politicheskimi i sotsial'nymi usloviiami ot antichnosti do nashikh dnei [A history of Western philosophy and its connection with political and social circumstances from the earliest times to the present day]* 2nd ed. Novosibirsk, 2008 (In Russian).
22. Chanishev A. N. *Istoriia filosofii Drevnego mira [The history of philosophy of Ancient World]*. 2nd ed. Moscow, 2014 (In Russian).
23. Petrova G. I. Byli li dosokratiki naturfilosofami? («voda» Falesa kak «transsendental'naia» problema) [Were Pre-Socratic with philosophers of nature? (the Thales' «water» as «transcendental» problem)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofii. Sotsiologiia. Politika [Herald of Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Politics]*. 2008, no. 1, pp. 29–33 (In Russian).
24. *Istoriia politicheskikh i pravovykh uchenii. Drevnii mir [History of political and lawful studies. Ancient peace]* Ed. by V. S. Nersesyanz. Moscow, 2003 (In Russian).
25. Nersesyanz V. S. *Filosofii prava [The philosophy of the law]*. 2nd ed. Moscow, 2006 (In Russian).
26. Rode K. *Geschichte der europäischen Rechtsphilosophie [A history of European philosophy of law]*. Düsseldorf, 1974 (in German).
27. Lebedev A. V. Zapadnogrecheskije filosofskie poemii i gomerovskaia traditsiia: preemstvennost' ili razryv? [The Western Greek philosophical poems and the homeric tradition: succession or break?]. *Indo-evropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaiia filologiia [Indo-European linguistics and classical philology]*. 2010. Vol. XIV, no. 2, pp. 359–368.
28. *Die Fragmente der Vorsokratiker griechisch und deutsch [The Fragments of the Presocratics in Greece and German]*. Hrsg. v. H. Diels, W. Kranz. Bd. I–III. Berlin, 1903 (in Greece and German).
29. Sokolov V. V. *Filosofii kak istoriia filosofii: uchebnik dlia vuzov [Philosophy as the history of philosophy]*. Moscow, 2010 (In Russian).
30. Tomson G. *Issledovaniia po istorii drevnegrecheskogo obshchestva. T. II. Pervye filosofii [Studies on the history of Ancient Greek society. Vol. II. First philosophers]*. Moscow, 1956 (In Russian).
31. Schwalb H. Hesiod und Parmenides [Hesiod and Parmenides]. *Rheinische Museum für Philologie*. 1963. Bd. 77, Hft. 3, pp. 134–142 (in German).

32. Gobbs Th. *Leviatan, ili materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [*Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil*]. Gobbs T. Soch.: v 2 t. [Works. In 2 vols]. Vol. 2. Moskow, 1991, pp. 5–545 (In Russian).
33. Kessidi F. H. Dialektika i materializm v filosofii Geraklita Efesskogo [Dialectics and materialism in philosophy of Heraclitus of Ephesus]. *Voprosi filosofii* [*The questions of the philosophy*]. 1953, no. 5, pp. 130–141 (In Russian).
34. Cassirer E. *Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung* [*Logos, Dike, Kosmos in the development*]. Göteborg, 1941 (In German).
35. Chalabi B. F. *Spravedlivost' i zakony v mifopoeticheskoi mysli i filosofskikh vozzreniiakh narodov Drevnego mira (Egipet, Vaviloniia, Gretsiiia) Autoref. Dis. kand. iurid. nauk* [*Justice and laws in the mifopoeticheskoy thought and the philosophical views of the peoples of ancient peace (Egypt, Vaviloniya, Greece). Thesis of Dr. jurid. sci. diss.*]. Moskow, 2014.
36. Isaev I. A. O protivorechiiakh u stoikov: «nezhivoe pravo» i fiktsiia [On the contradictions in the stoics: “unanimated law” and the fiction]. *Istoriia gosudarstva i prava* [*History of state and law*]. 2013, no. 15, pp. 6–11 (In Russian).
37. Zelinskiy F. F. *Istoriia antichnoi kul'tury* [*History of the antic culture*]. Vol. I. Moskow, 1915 (In Russian).
38. Brunschweig L. *La role du pythagoreisme dans l'evolution des idees* [*The role of Pythagoreanism in the evolution of ideas*]. Paris, 1967 (In French).
39. Rocher W. H. *Die Sieben- und Neunzahl im Kultus und Mythus der Griechen* [*The number seven and nine in cults and myths of the Greeks*]. Leipzig, 1904 (In German).
40. Makovel'skiy A. O. *Dosokratiki* [*Pre-Socratics*]. Part 3. Kazan, 1919 (In Russian).
41. Lvov A. V. *Obraz ideal'nogo grazhdanina v uchenii Pifagora* [*The means of ideal citizen in Pythagoras' study*]. *Vestnik MGPU. Seriya: Iuridicheskie nauki* [*Herald of MGPU. Series: Juridical sciences*]. 2012, no. 2 (10), pp. 25–37 (In Russian).

Статья поступила в редакцию 1 июня 2015 г.